

Литература Новгорода второй половины XV — первой половины XVI в.

Введение

С о смертью Юны боярская партия, тянувшая к шляхетской Литве, выдвинула кандидатом на владычный престол ключника архиепископского двора, Пимена, цинично заявлявшего о своей готовности ставиться хоть в Москве, хоть в Киеве. Жребий пал, однако, не на Пимена, а на Феофила — человека, повидимому, слабого и нерешительного, но симпатизировавшего Москве.

Случай дал новый перевес литовской партии. С избранием Феофила новгородцы послали в Москву просить у великого князя «опасной грамоты» для свободного проезда его на поставление. Грамоты были вскоре присланы, и одновременно с ними до новгородцев дошли слухи о том, что великий князь поднимает на Новгород Псков. Суть дела, повидимому, в том, что Иван III сговаривался с псковичами о совместном походе на Новгород еще до избрания Феофила, не ожидая от новгородцев ничего хорошего. Однако литовская партия, воспользовавшись этими слухами о походе на Новгород, повела энергичную агитацию и снова взяла верх на вече. Втянув Новгород в непопулярную среди демократических слоев населения политическую связь с Литвой, боярская партия пригласила к себе литовского князя Михаила Олельковича и тем самым привела Новгород к его последнему столкновению с Москвой.

Мирный договор, заключенный Иваном III с Новгородом в 1471 г. после решительного разгрома плохо организованных новгородских войск на Шелони, был жесток, но не лишал еще Новгород самоуправления.

Московские порядки были введены в Новгороде лишь после второго похода в 1478 г., которому Иван III придал характер защиты русских интересов от изменников — новгородских бояр.

Этот поход Ивана III был обставлен чрезвычайно торжественно. Уничтожение новгородской независимости рассматривалось не как завоевание, а как воссоединение исконных русских земель под державой боговенчанного монарха «всея Руси». Наступая на Новгород, Иван III явно не спешил, принимал по дороге перебежчиков и затягивал переговоры, очевидно выжидая, чтобы московские интересы взяли верх в Новгороде.

На это у Ивана III были веские основания: так называемая литовская боярская партия, составлявшая в Новгороде крайнее меньшинство, действовала путем подкупов и террора, но несостоятельность этих методов сказалась со всей очевидностью уже при одном приближении громадного войска великого князя. Чем ближе подступала к Новгороду московская рать, тем больше перебегало к ней новгородцев, верою и правдою обещавших служить великому князю.

После похода 1478 г. была произведена первая секуляризация богатейших церковных земель Новгорода, отменен обычай выбирать архиепископов и взята огромная контрибуция. В Москву был увезен вечевой колокол — символ новгородской независимости — и повешен там на ксолокольницу «с прочими колоколы звонити». Началось переселение верхушки новгородского общества в коренные московские области. Не избег опалы и Феофил, заточенный в один из московских монастырей.

Переделывая новгородские порядки с чрезвычайной прямолинейностью, Иван III вместе с тем не добивался ослабления новгородского могущества. Москва населяла Новгород московскими купцами, укрепляла стены новгородского Детинца (в 1484 г.), заботилась о монастырях и т. д. В XVI в. Москва вернула в Новгород софийскую казну и канонизировала часть новгородских святых. Само название Новгорода Великим становится обычным именно с конца XV в.

Ни один из московских походов никогда в прошлом и никогда впоследствии не был обставлен такой усиленной пропагандой, таким обилием всяческих посланий, как новгородские походы Ивана III.

Везя в обозе своих войск книжников, умевших «говорить по летописцам русским» (среди них Стефана Бородатого), и готовясь к сложной идеологической борьбе с Новгородом, Иван III, тем не менее, не желал уничтожения новгородской культуры. Характерно, что Аристотель Фиораванти, сопровождавший войска Ивана III в походе на Новгород, по возвращении в Москву близко воспроизводит черты новгородской Софии в патрональной святыне Москвы — Успенском соборе. Широкой рукой Москва использует новгородские летописи, приглашает к себе новгородских иконников и каменщиков, подчеркивает славу и величие Великого Новгорода, исключая зависимость его от московских великих князей, усматривая новгородскую измену лишь «в последних летах».

Те чрезвычайно сложные взаимоотношения, в которые вступили между собой культуры столь сходных и столь разных областей, могут быть поняты только при том, очевидно, условии, что объединение это происходило на общей им обоим русской почве. Новгородцы, стремившиеся к подчинению московскому великому князю, отнюдь не были врагами и изменниками родного города, так же точно, как и москвичи, присоединявшие Новгород, не смотрели на него как на завоеванный вражеский город.

Своеобразная идеологическая борьба за первенство в Русской земле (а не за господство друг над другом) широко развернулась в новгородской литературе XV в., где были представлены обе партии, и не прекратилась после уничтожения новгородского самоуправления, приняв лишь более церковные формы. Пользуясь новгородским обычаем вмешательства архиепископа в чисто светские дела, великие князья делают в Новгороде архиепископов главными проводниками своей политики.

Присланный на смену Феофилу новый архиепископ Сергей встретил настолько сильное сопротивление, что меньше чем через год принужден был «в изумлении» (т. е. потеряв рассудок) покинуть город. «Изумле-

ние» московского владыки явилось поводом для нового торжества новгородских сепаратистов. Следующий за Сергием архиепископ Геннадий стремился не оскорблять местного патриотизма новгородцев, с уважением относился к Новгороду, его книжным богатствам и местным традициям.

При Геннадии скрытая оппозиция новгородцев усиливавшемуся влиянию московской церкви приняла новое обличье. Проникшие из Литвы отголоски западного гуманистического течения в виде движения «жидовствующих» разлагали московскую церковную организацию, проникали в Москву, во дворец. Как и прочие явления новгородской жизни XV в., движение «жидовствующих» было явлением чрезвычайно сложным и противоречивым. Это не была церковная ересь в собственном смысле этого слова, за нею не крылось провозглашения религиозных или социальных реформ, как это было в одновременных ей ересьях Западной Европы или в предшествующей ей новгородско-псковской ереси стригольников. Неточное употребление термина «ересь» было типично для московской церкви XV—XVI вв., объявлявшей «ересью» всякое стремление к новшествам, в том числе и ничего общего не имевшее с церковными ересями увлечение светскими науками.

Ересь «жидовствующих» была умственным течением свободомыслящих, не имевшим, повидимому, строгих форм. Она не была и движением масс, оставаясь, как и гуманизм, явлением, доступным лишь верхушке общества. Она была положительным явлением, поскольку развивала интерес к книжности, вводила в круг образованности новые, дотоле неизвестные произведения, но она была и явлением отрицательным, поскольку была связана с боярскими группировками, с остатками литовской партии в Новгороде.

Геннадию удалось добиться казни еретиков. Ересь «жидовствующих» возбудила и его самого к чрезвычайной литературной деятельности, привела к пересмотру собственного богословского арсенала русской церкви, к уточнению переводов «священного писания», к созданию строгих церковных норм.

С конца XV — начала XVI в. новгородское зодчество в основном переходит в руки московских купцов, переселенных в Новгород Иваном III.

Богатые новгородские купцы — москвичи по происхождению — заказывают постройку церквей новгородским артелям каменщиков. Противоречия между московскими вкусами заказчиков и новгородскими строительными традициями не могли не сказаться в новгородских постройках этой поры. Неловкое применение московских строительных приемов в сочетании со старыми типами новгородской архитектуры XII в. характеризует некоторые из этих построек.

Несмотря на неблагоприятные условия для своего развития, новгородское строительное мастерство не могло полностью заглохнуть и передвигается в XVI в. в провинцию, куда переходят новгородские каменщики. Москва усиленно приглашает новгородских строителей, а вслед за ними и иконников.

Западное влияние в новгородской живописи XV в. сильнее всего выразилось в рукописях. Чрезвычайный интерес с этой точки зрения имеет травный орнамент Геннадиевской Библии 1499 г.

1. Литература периода новгородских походов Ивана III

С приближением неизбежной развязки — уничтожения новгородской независимости — в Новгороде все усиливаются мистические настроения, все усложняется и делается более жестокой борьба общественных группировок, все растеряннее и тревожнее становятся записи летописцев. Расцветшее в 40—50-х годах XV в., особенно при архиепископе Евфимии II новгородское летописание клонится к упадку. К середине XV в. в нем определились отчетливо две линии: боярско-литовская, придерживавшаяся замкнутой новгородской трактовки летописных текстов, и московская усвоившая летописный (общерусский) свод 1448 г. и пополнившая его новгородскими текстами.

Накануне походов Ивана III новгородское летописание утрачивает свою организованность и систематичность. Летопись ведется лишь по инициативе частных лиц, дополняющих и расширяющих списки, начатые их предшественниками. В этих дополнениях нет единства между отдельными летописцами ни в политических взглядах, ни в круге отмечаемых ими событий, ни в стиле и манере изложения. Летописцы то ограничиваются одними лишь новгородскими событиями, то вводят сведения общерусского значения; иногда они лапидарны, иногда же речисты и витийственны. Те части Новгородской летописи, которые отличаются традиционным новгородским лаконизмом стиля, лишены, однако, чеканности летописного языка XII—XIII вв. Летописец раздражается длинными тирадами против своих политических врагов всюду, где находит это возможным. Летописец, дополнивший один из списков Новгородской IV летописи (Строевский), так отчитывает Упадыша, сторонника московского великого князя, забившего железом 5 пушек при приближении к Новгороду московского войска: «Како не вострепета, зло мысля на Великий Новъгород не сыты лукавства? на мьзди ли предаеши врагом Новъгород, о Упадыще, сладкаго брашна вкусил в Великом Новеграде? О колика блага не памятив, недостаточное ума достигл еси!.. Уне быты, Упадыш, аще не был бы во утробе матерьни: не бы был наречен предатель Нсвуграду...» и т. д.

Не на одного Упадыша сетует летописец. Он осуждает «владычнъ стяг» (полк), который не хотел ударить на московскую княжью рать, ссылаясь на то, что «владыка нам не велел на великого князя руки подынути». Осуждает летописец и тех новгородцев, которые перед битвой с москвичами «вопли на больших людей»: «ударимся ныне», и в то же время трусливо «каждо глаголюще: яз человек молодыи, испротеряхся конем и доспехом». «И бысть в Новегороди молва велика, и мятежь мног, и многа лжа неприазнена, сторожа многа по граду и по каменным кострам на переменах день и ночь. И разделишася людие: иней хотяху за князя, а инии за короля за литовьского», — так описывает летописец смуты, порожденные гибелью новгородского войска на Шелони.

Иной характер носили дополнения Новгородской IV летописи по списку Дубровского. Помимо обилия в них московских и общерусских известий, список включил в свой состав такие направленные против новгородской независимости произведения как «Словеса избранна от святых писаний» на новгородцев, «Послание митрополичье» против них же, московский рассказ о присоединении Новгорода, с резкими выпадами против новгородцев и характерным заключительным проклятием новгородских «смутьянов»: «И та земская их беда и вся людская кровь да будет изысканна от бога вседержителя, по писанному: Господи! зачинающих

рать погуби. И то все на тех главах на изменных и на их душах, в сем веке и в будущем, аминь».

Предчувствие близящегося конца новгородской независимости было в высшей степени свойственно новгородцам в середине XV в. Перевес сил на стороне Москвы и политическая слабость Новгорода были очевидны. Утомленные постоянными феодальными раздорами и шаткостью новгородской политики многие новгородцы с надеждой смотрели на Москву и грядущее лишение Новгорода его исконной свободы воспринимали как наказание новгородцам за грехи.

В житии архиепископа Ионы сохранился рассказ о том, как Иона в присутствии митрополита мужественно заступался перед великим князем Василием Василиевичем за новгородцев. После упорных и энергичных молений Ионы великий князь понемногу смягчился и отложил гнев на Новгород. Когда все умолкло, Иона заплакал. Спрошенный о причине скорби, Иона ответил: «Кто обидит людей моих толикое множество, и кто смирит таковое величество града моего, если усобицы не смятут их, и раздоры не низложат их, и лукавство зависти не развеет их?»

Таким образом, недостатки новгородской жизни были ясны не только врагам Новгорода, но и защитникам его независимости. В этой атмосфере обреченности и ожидания близящегося конца, усугублявшегося еще ожиданием «конца мира» в 7000 (1492) г., множились грозные знамения, росли мистические настроения и зарождались новые ереси.

В 1470 г. накануне похода Ивана Васильевича III «текли» слезы у иконы богородицы в церкви Евфимия, «текли слезы у Николы в церкви на Микитине улице», «выступала» кровь на гробах новгородских архиепископов. «Того же лета на Федорове улице ис тополя води капало много от верха и с сучья». Недобрые знамения не прекращались и после поражения новгородцев. В 1471 г. была «гибель луне: полунощи не яснее быв, и аки кровь в луне, и тма бысть не мало время... Той же зимы видеша мнози два месяца на небе. Той же зимы явися на небесе звезда хвостата...» В том же году была «тьма по всей земли в 1 час дни в мало время...» и т. д. Появились смуты и ереси: какие-то «философы» в 1476 г. начали по церквам пети «Осподи помилуй», а другие «О, господи помилуй»... Впоследствии, с падением Новгорода многие из таких «знамений» задним числом толкуются как предвестники поражения новгородцев на Шелони и конца новгородской независимости. Так, например, к известию 1435 г. о падении только-что отстроенной церкви позднейший летописец делает такое примечание: «и се знаменье показася, яко хошет власть новгородских посадник и тысяцких и всех бояр и всея земли новгородския разрушитися». Постепенно эти мелкие знамения превращаются в многочисленные и пространные легенды, связанные с концом новгородской воли. «В нашей истории, — говорит В. О. Ключевский, — немного эпох, которые были бы окружены таким роем поэтических сказаний, как падение новгородской вольности. Казалось, «господин Великий Новгород», чувствуя, что слабеет его жизненный пульс, перенес свои думы с Ярославова двора, где замолкал его голос, на св. Софию и другие местные святыни, вызывая из них предания старины».¹

Легенды о падении Новгорода отразились в житиях новгородских святых. Житие соловецкого Зосимы, составленное Досифеем в начале XVI в., рассказывает, как Зосима отправился в Новгород просить управы на притеснявших его скит местных жителей и слуг бояр — владельцев

¹ Курс русской истории, т. II, стр. 161.

Соловецких островов. В Новгороде Зосима побывал у архиепископа и у бояр, и все милостиво приняли его, кроме Марфы Борецкой — владелицы острова, на котором жил Зосима. Марфа велела отогнать Зосиму от своего дома. Зосима, «главою позыбав», пророчески сказал своим ученикам: «надстоят убо, о чада, дние. еже затворитися дверям дома сего, и не ктому жителю ему измерят стопами его». Однако расположенный к Зосиме архиепископ Феофил заставил все же Марфу пригласить Зосиму к себе. На пиру, сидя на почетном месте (в лицевом списке жития Зосимы и Савватия — Зосима сидит за особым изящным столиком), Зосима по обычаю своему мало ел. Взглянув на гостей (Марфа пригласила к себе 6 новгородских бояр), Зосима вдруг увидел их без голов. Взглянув еще и еще раз и убедившись, что видение не проходит, и поняв его значение, Зосима вздохнул и прослезился. На пиру Марфа испросила у Зосимы прощение и дала монастырю грамоту на владение островом и Сумским погостом.

После обеда ученик Зосимы, Даниил, спросил его о причине слез. Зосима объяснил: шесть бояр, виденных им без голов, будут обезглавлены. Пророчество Зосимы, рассказывает житие, сбылось: Иван III, заняв Новгород, велел казнить бояр, которых Зосима видел безголовыми.

Помимо основного значения легенды — прославить святого чудом пророчества, — в ней есть и смысл чисто местного характера: после уничтожения новгородской независимости соловчанам надо было как-то оправдать то, что Соловецкий остров был подарен монастырю «еретичкою» Марфой Борецкой. Грамота Марфы (она сохранилась и сейчас) была основным документом на земельные владения монастыря.

Поздние новгородские летописи включили в свой состав под 1045 г. легенду об изображении вседержителя в куполе Софийского собора. Легенда рассказывает, как, устроив церковь, приступили к росписям, и царьградские иконописцы начали «подписывать во главе» образ вседержителя с благословляющею рукою. На утро, однако, епископ Лука увидел, что образ написан без благословляющей руки. Три раза переписывали иконописцы образ, и каждый раз рука на утро оказывалась сжатою. На четвертое утро услышали иконописцы голос, исходящий от написанного ими изображения: «писари, писари, о писари! не пишите мя благословляющею рукою, напишите мя сжатою рукою. Аз бо в сей руке моей сей Великий Новъград держу; а когда сия рука моя распространится, тогда будет граду сему скончание».

Реально происхождение недоразумения объясняется тем, что греческие иконописцы, расписывавшие Софию, написали вседержителя с рукою, благословляющею троеперстием, вместо привычного новгородцам двоеперстия. Рука на изображении была, таким образом, не благословляющею, но она не была и «сжатою», как указывалось в летописи. Последняя деталь чрезвычайно существенна, и она-то, именно, и раскрывает конечный смысл легенды: рука полураскрыта, а не сжата, как раньше при написании образа; следовательно, «скончание» Новгороду близится. Переписывая в летопись известие о сжатой руке вседержителя под 1045 г., летописец хотел придать ему характер документальности, поразить воображение читателя, который всегда мог сопоставить летописный рассказ с хорошо знакомым ему изображением. Таким образом, здесь мы имеем исключитель-

ный случай, когда литературное произведение нуждалось для полного своего понимания в дополнении памятником материальной культуры.

Под тем же 1045 г. и, очевидно, тем же лицом в летописи оказалась записанной и другая легенда «О чудном видении Спасова образа Мануила, царя Греческого». Легенда рассказывает, как в Софии новгородской стоял во время службы грек Дмитрий Ласкирев и, призвав софийских священников, указал им на образ Спаса, «иже и дныне стоит на

Пантократор из купола Софийского собора в Новгороде. Фреска XI в.

правом клиросе на столпе, против места владычня», и рассказал им его происхождение. Образ этот — греческого письма, а слух в Византии «в мудрых людях» идет о нем такой. Царь Мануил сам писал эту икону. Однажды, увидев какого-то священника, «неподобно делающе», Мануил велел его наказать («возложить раны чещадно»). В ту же ночь Мануилу явился во сне Спас тем самым образом, таким он его изобразил на иконе, и укорил царя за то, что он «восхитил священнический суд», т. е. взял на себя право судить клириков (функция, не принадлежавшая в Византии светской власти). Затем Спас указал ангелам перстом на императора

Мануила и велел «возложить раны» на него. Проснувшись от боли, Мануил увидел, что Спас на его иконе указывает перстом вниз, как он указывал ангелам в ночном видении. «И восплакася горце царь и оттоле не учал святительского суда восхищати». Легенда эта явно имеет в виду «узурпацию» в Новгороде Иваном III судебных прав архиепископа.

Обе приведенные легенды — об изображении вседержителя в куполе Софии и об иконе Спаса в Софии же «противо места владычня» — принадлежат к типу распространенных в средневековой, в частности, в греческой, литературе легенд об оживающих изображениях. Вставляя в летопись легенды об обоих чудесных изображениях в соборе Софии, новгородец, писатель этих легенд, почерпнул их из греческого источника.

Помимо легенд, сочувственно изображавших новгородскую независимость, имелись легенды, в которых власть «новгородских посадник и тысяцких и всех бояр» рассматривалась с иных позиций. Такова, например, легенда о Перуне, заключающая в себе явную насмешку над новгородскими усобицами. Легенда эта, обычно помещаемая в начале поздних новгородских летописей, рассказывает, как первый новгородский епископ

Иоаким «требища разори», сверг статую Перуна, стоявшую недалеко от Новгорода в местечке Перынь, и велел бросить ее в Волхов. Плывая под Волховским великим мостом, Перун, в которого вошел бес, «верже палицу свою на мост, ею же безумнии убивающесея, утеху творят бесом».

К числу легенд, несочувственно относившихся к новгородским порядкам эпохи независимости, принадлежит и сказание о построении варяжской божницы в Новгороде. Легенда эта составила, как можно думать по некоторым признакам, вскоре же после падения новгородской независимости. «В лета благочестивих великих князей наших русских», когда новгородцы жили «в своей свободе», прислали немцы от всех 70 городов посла к Великому Новгороду, архиепископу, посаднику и тысяцкому со следующей просьбой: «Милые наши соседи! дайте нам место у себя, посреди Великого Новагорода, где поставити божница по нашей вере и обычаю». Новгородцы отказали в просьбе, говоря, что у них в «вотчине великих князей русских» стоят только церкви православные. Видя, что прямым путем дело у них выйти не может, немцы дали «посул (взятку) велик» посаднику Добрыне и построили с его помощью божницу на месте, где стояла раньше православная церковь Иоанна Предтечи. Бог и Иоанн Предтеча покарали за это посадника: вихрь поднял его насад над Волховом и ударил им о воду. Добрыня утонул, и тело его, выловленное из реки сетями, осталось непогребенным.

В сказании этом любопытно то, что времена мирного процветания Новгорода и его свободы связываются с тем далеким прошлым, когда Новгород признавал власть «великих князей наших русских». Но уже и тогда, как видно из легенды, посадники злоупотребляли своею властью и за посул готовы были изменить православной вере.

О той же божнице (ропате) сохранилось и другое сказание, по которому грозою выбило и смыло фреску с изображением Спаса, написанную новгородскими иконниками.

Наиболее полно московская ориентация в новгородской литературе отразилась в последней четверти XV в. во второй редакции уже рассмотренного выше жития Михаила Клопского, возникшей в это время. Составитель этой редакции внес новое «чудо» Михаила: пророчество его об избиении новгородцев на Шелони, взятии Новгорода и ссылке многих новгородских семей по московским городам. В речах Михаила звучит уже прямое осуждение новгородцев за их «братоненавидение» и «наглость друг на друга».

Житие рассказывает, как посадник Немир приехал в Клопский монастырь взять благословение у Михаила. «Был есми, честный отче, у своен пратеши у Ефросиньи да приехал есми у тебе благословитись», — говорит он Михаилу. Михаил спросил его: «Что твоа, чадо, за дума, едидишь думаешь ж жоньками?» Посадник ответил: «Будеть у нас князь великий на лето, да хочет воеват землю. А у нас есть князь Михаило литовьской». — «То у вас не князь — грязь, разошлите послы к великому князю, добивайте челом», — ответил Михаил. Во второй же редакции вставлен рассказ о притеснении монастыря новгородским архиепископом Евфимием I, о том, как он отнял у него «вороного коня».

Итак, рассматривая легенды о конце новгородской независимости, нельзя не заметить, что только некоторые из них сочувственно изображали это событие. Факт такого разделения новгородской литературы объясняется продолжавшейся в Новгороде борьбой двух политических партий: демократической московской и боярской литовской. Борьба эта принимает особенно ожесточенные формы при архиепископе Сергии.

Крутая политика Сергия вызвала в Новгороде не менее ожесточенное сопротивление. Летописи с сепаратистской окраской (и новгородский Трефологион) включили в свой состав легенду о посрамлении Сергия новгородским святым Моисеем. Легенда рассказывает, как Сергию, проезжавшему мимо монастыря Михаила на Сковоротке, один из священников указал на «гроб строителя монастыря того, архиепископа Мосея». «Он же (Сергий), возря на священника», велел ему открыть гроб. Священник возразил: «подобает святителю святителя скрывать». «Слышав то, Сергий вознесся умом высоты ради сана своего и яко от Москвы прииде», с гордостью ответил: «Кого сего смердовича и смотри?» С этого момента Сергий впал в «изумление». Иногда видели его сидящим без мантии «в одной ряскы» на «Евфимиевской паперти» (т. е. на крыльце единостолпной палаты, где собирался совет господ и совершался владычный суд) или в полдень у храма Софии. Вскоре Сергия удалили в Троице-Сергиев монастырь.

Возможная историческая подоплека этой легенды заключалась в той противоположности, которая существовала между московскими и новгородскими обычаями хранить мощи своих святых: москвичи выставляли их для открытого поклонения, новгородцы — хоронили под спудом. Вводя московские порядки в новгородской церкви, Сергий, очевидно, требовал выставлять мощи святых в открытых раках.¹

Легенда о Сергии проникла и во II Псковскую летопись, где сохранилась с некоторыми подробностями, отсутствующими в новгородских летописях, цензурировавшихся москвичами. Сергий, по псковскому варианту, пришел в Новгород «с Москвы от великого князя Ивана Васильевича из его руце... и многы игумены и попы испродаде, и многы новыя пошлины введе». Сергий, следовательно, возбудил против себя недовольство и тем еще, что вводил новые административные порядки.

В той же летописи рассказывается, что Сергия стали посещать во сне и на яву предшествовавшие ему новгородские архиепископы, укорявшие его за «безумное дерзнутие» — узурпацию архиепископского престола.

Любопытно, что московский летописец, сообщая об этом событии, не преминул возвести напраслину на новгородцев, обвинив их в том, что они «волшебством испортили владыку».

Идея святости новгородской старины, которая сама защищает себя от «безумных дерзнутий» москвичей, отразилась и в другой легенде, включенной в качестве одного из «чудес» в житие Варлаама Хутынского. Так же, как и Сергий, проезжая мимо Хутынского монастыря, Иван III потребовал открыть ему мощи Варлаама, но исшедший из-под пола огонь опалил трость Ивана, которою он пытался помочь вскрывавшим, и заставил его бежать от раки Варлаама. Каждый раз, как Иван III ударял тростью о пол церкви, она высекала огонь. Иван бросил трость и в паническом страхе бежал из монастыря.

Третья легенда, связанная с тою же идеей неприступной святости Новгорода, переносит действие ко времени расцвета новгородского могущества в XIV в. Король Магнус — неудачливый инициатор крестового похода на Новгород — оставил по легенде «рукописание», в котором отговаривал своих потомков и наследников от походов на Новгород и Русь.

¹ В Софийской II летописи и в Львовской летописи имеется, между прочим, аналогичный рассказ под 1467 г. Епископ ростовский Трифон прислал в Ярославль протопopa Константина, который захотел посмотреть мощи одного из ярославских святых, но был сверхъестественною силою повержен на землю и онемел. Историческое отношение Москвы к местным святым вызывало аналогичные местные легенды.

Рукописание Магнуса начинается обычною формою русских завещаний: «Се аз Магнуш, король Свийский, нареченный во святом крещении Григорий, отходя сего света, пишу рукописание при своем животе, а приказываю своим детям и своим братьям, и всей земли Свийской: не наступайте на Русь на крестном целовании, занеже нам не пособляется». Магнус перечисляет неудачные походы своих соотечественников, в которых «не пособлялось» им на Русь. Магнус вспоминает, как у него самого отнял бог ум за поход на Новгород, как он сидел «в изумлении», прикован на цепи и заделан в палате. Последнее поражение Магнуса и гибель его флота от бури были особенно жестоки. Магнус едва спасся, 3 дня и 3 ночи проплыв на доске. Ветром внесло его в реку и прибило к берегу к монастырю Спаса, где монахи постригли его в схиму. «А все то меня бог казнил за мое высокоумие, что есмь наступил на Русь за крестным целованием. А ныне приказываю своим детям и своей братии: не наступайте на Русь на крестном целовании; а кто наступит, на того бог, и огонь и вода, им же мене казнил; а все то бог сотворил ко спасению моему». В легенде о Магнусе и в легенде о Сергии есть общая деталь, сближающая их между собою: и того и другого бог наказывает за покушение на новгородскую старину, отнимая разум.

2. Движение „жидовствующих“ 70—90-х годов XV в.

На смену Сергию в Новгород был прислан архиепископ, Чудовский архимандрит Геннадий. Будучи ставленником Москвы, Геннадий не относился к Новгороду как москвич, но и в отношениях с Москвой не был новгородцем. Он не оскорблял местного патриотизма, отдавал должное новгородским обычаям и традициям, если они не противоречили московской политике, и, вместе с тем, исподволь вводил общерусские порядки. Однако этим приемам Геннадий встретил сопротивление, которого не предвидел, и значение которого было на первых порах далеко не ясно для самой Москвы.

В конце XV в. большинство русского населения, как мы уже упоминали, ожидало «конца мира» в 7000 (1492) г. Ожидание это вызывалось особенною значимостью для средневекового мировоззрения седьмых чисел и было широко распространено в Новгороде, усугубляясь грозными для новгородцев событиями последних лет. Одна из новгородских пасхалей, доведенная только до 7000 г., заканчивалась следующими словами: «зде страх, зде скорбь... в сие лето чаем и всемирное твое (т. е. Христа) пришествие». Сам архиепископ Геннадий был заражен этими настроенными и во время крестных ходов по Новгороду пел церковные песнопения о «страшном суде». В послании к Иоасафу Ростовскому Геннадий с затаенным чувством опасения писал: «прейдут три лета, кончается седмая тысяща».

Все эти ожидания сеяли панику, но вместе с тем пробуждали и скептицизм. В то время как одни из новгородцев покорно ждали конца, другие — занимались светскими науками, свободно обсуждали вопросы религии и государственного устройства.

Разразившиеся в конце XV в. события показали, что это движение вольнодумцев, ставшее особенно опасным после того, как ожидания кончины мира не исполнились, могло потрясти Русское государство в большей мере, чем военное размирье с Новгородом. Вооруженное сопротивление

московскому войску сменилось идеологическим сопротивлением московским церковным обычаям, вылившимся в антицерковное движение «жидовствующих».

Насколько можно судить по дошедшим памятникам литературы «жидовствующих», движение это не было ересью в собственном смысле этого слова. Это была не столько «богословская ересь», сколько умственное светское антиклерикальное течение, связанное своим происхождением и направленностью с ранним европейским гуманизмом. Оно не может быть сравниваемо поэтому с европейскими ересями средневековья и Возрождения. В Новгород (а позднее и в Москву) эти отзвуки западных гуманистических течений проникали через Литву и через литовских евреев. Посредство евреев в переносе этих отзвуков гуманистических идей на Русь далеко не случайно.

Вопрос о евреях и еврейской письменности всегда занимал гуманистов XIV—XV вв. Иоганн Рейхлин, как и многие другие гуманисты, изучал еврейский язык, защищал еврейскую письменность (Талмуд, Зогар, комментарий Раши, Кимхиды, ибн Эзры, Герсониды и др.) от нападок обскурантов. Интерес гуманистов к еврейской письменности создал ответное движение в среде евреев. Во второй половине XV в. султан Магомет Победитель (1451—1481) распространил на евреев права всех прочих подданных немусульман. Эдикт этот вызвал большой прилив в Константинополь евреев, образовавших здесь центр умственного движения, близкого к гуманистическому. Евреи выпускали в Константинополе книги, открывали школы, занимались медициной и астрологией. В середине XV в. особенно выделился среди еврейских ученых того времени раввин Куманято. Он изучал астрономию, математику, механику, естественные науки. Отличаясь значительным свободомыслием, Куманято не делал различия между талмудистами и караимами, преподавал светские науки, не вдаваясь в религиозные споры своего времени.

Аналогичное гуманистическое движение существовало в XV в. и среди литовских евреев. Последнему немало способствовало покровительство, которое оказывали евреям Витовт и Казимир. Гуманистическое движение и дружественные отношения евреев с литовским и польским населением порождали религиозный индифферентизм и в XV в. вызвали многочисленные случаи перехода евреев в христианство, как и обратно — христиан в иудейство.

Гуманистическое течение, охватившее все европейские народы, объединяло их новыми общими интересами, новым общим мировоззрением. В гораздо меньшей степени правы те летописцы и хронисты, которые обвиняли гуманистов в особых симпатиях к еврейству, чем те, которые видели повсюду общее свободомыслие и антиклерикализм (например, Длугош, 1415—1480, в «Dzieje Polski Książ dwanascie»).

Во второй половине XV в. начинается наплыв иностранцев на Русь, главным образом в центры иностранной торговли — в Москву и Новгород. Новгород ведет обширную торговлю с Литвой, во главе внешнего товарооборота которой стояли евреи. Нет поэтому ничего удивительного, что первыми насадителями в Новгороде гуманистических идей (правда, в сильно провинциальном литовском преломлении) были именно евреи. Новгород всегда был на Руси центром всякого нарушения церковных порядков и неоднократно вызывал пространное увещания митрополитов. Здесь прочно свила себе гнездо ересь стригольников, пришедшая из Пскова, здесь постоянны были колебания между московским митрополитом и литовским митрополитом-униатом. Естественно, что в Новгороде были люди,

которые не только тянули к Литве политически, но подпадали и под культурное влияние, шедшее оттуда же.

О возникновении движения «жидовствующих» полнее всего рассказывается в Просветителе Иосифа Волоцкого. Иосиф Волоцкий выразил, однако, тенденциозный официальный взгляд и всячески стремился опорочить движение. Он возводит возникновение ереси к 1470—1471 гг., когда в Новгород приезжал литовский князь Михаил Олелькович. Приглашение Михаила Олельковича было, как известно, с московской точки зрения самым крупным из преступлений новгородцев. С этим литовским князем, утверждает Иосиф, приехал в Новгород и еврей Схария, от которого и пошла якобы ересь. Схария совратил в еретичество попа Дионисия, Дионисий привел к нему попа Алексея. И Дионисий, и Алексей хотели якобы принять обрезание, но Схария запретил им это, велел соблюдать ересь втайне. На помощь Схарии явились вскоре и иные евреи: Осиф Шмойло Скарявей¹ и Моисей Хануш. Сведения Иосифа подозрительно противоречивы: Схария, склонив Алексея и Дионисия в иудейскую религию, запрещает им совершать обрезание; странно и то, что «еретики» не отказывались от священства, продолжая служить в храмах. Вряд ли можем мы предположить, вместе с Иосифом, что это делалось ими из одного лишь коварства. Иосиф связывает измену вере с изменой родине, и причисляет людей, занимавшихся светскими науками, к «еретикам». Таким образом, самое появление движения окутано тайной.

Не менее противоречивы сведения и о сущности «жидовства». Геннадий видел в нем ереси «маркианскую» и «мессалианскую», Иосиф находил в нем «ереси много» и т. д. В Просветителе Иосиф указывает, что митрополит Зосима говорил: «А что то царство небесное, а что то второе пришествие, а что то воскресение мертвых? — ничего того несть, умерл кто — он по та места и был», а в другом месте говорится о том, что «жидовствующие» не признавали служб по умершим, так как праведники де спасутся и без того, т. е. все же признавали загробное существование. По некоторым известиям, «жидовствующие» отрицали поклонение иконам, кроме иконы Христа-Спасителя, по другим же известиям — отрицали в Христе божественное начало и, следовательно, вряд ли могли выделять почитание его иконы. Наконец, Иосиф Волоцкий обличал еретиков в отрицании догмата о троичности бога и, вместе с тем, счел почему-то необходимым в своем Просветителе, направленном против «жидовствующих», доказывать неверность католического учения об этой троичности (так называемое *filioque*).

Вместе с тем, косвенно, мы находим все же и в посланиях Геннадия, и в том же Просветителе Иосифа многое, что отражало, очевидно, действительное направление умственного течения «жидовствующих». Мы узнаем, например, что «жидовствующие» усиленно занимались астрологией, логикой, нападали на Ефрема Сирина за картину второго пришествия и т. д. Повидимому, движение «жидовствующих» было лишено какой бы то ни было законченной религиозной концепции. Это было движение свободомыслящих, связанное своим происхождением с отголосками гуманистического течения на Западе, возможно через литовских евреев. Отдельные представители этого движения, очевидно, по-разному углублялись в это свободомыслие и тем давали повод к противоречиям в харак-

¹ Прозвище „Скарявей“ напоминает обычную манеру гуманистов переводить свои фамилии на латинский язык. Так Фишер обращался в Пискатора, а Жук или Жучек мог обратиться в „Скарявея“ — от латинского *scarabeus*.

теристике «жидовства». Анализ литературы «жидовствующих» подтверждает эти предположения.

С движением «жидовствующих» связывается целый ряд западнорусских рукописей XV и XVI вв., гуманистический характер которых выражен более или менее ярко либо в самом изложении, либо в выборе тем, характерных для эпохи Рейхлина и Эразма. Обнаружить эти рукописи удалось в конце XIX и начале XX в. по тем указаниям на литературу «жидовствующих», которые дали противники движения, Геннадий и Иосиф Волоцкий. Последние упоминают Шестокрыл, Логику, особую Псалтирь, сочинения астрологического и чернокнижного характера, житие Сильвестра папы римского с полемической окраской против еврейства, слова Афанасия Александрийского на ариан, Козьмы пресвитера на богомилов, сочинения Дионисия Ареопагита и др.

В одном из западнорусских сборников XVI в. (так называемом Холмском) был найден текст Шестокрыла, возможно идентичный тому, о котором говорит Геннадий в одном из своих посланий против «жидовствующих» и о котором упоминает Филсфей, старец Елеазарова монастыря. Шестокрыл представляет собою рукопись астрологического содержания, автором которой был еврей Иммануэль-бар-Якоб, живший в XIV в. в Италии. Она явилась плодом того увлечения астрономией и астрологией, которое было характерно для Италии XIV—XV вв. Перевод Шестокрыла отражает общий гуманистический интерес «жидовствующих» к астрономии, и имел существенное значение в опровержении мнения о грядущей кончине мира в 7000 (1492) г. В Шестокрыле имелся ряд указаний на то, как вычислять новолуния, затмения солнца (так пугавшие новгородцев) и т. д. Язык перевода — западнорусский с немногими еврейскими терминами (например, в названиях знаков зодиака).

Более ярко гуманистический характер сказывается в переводе (с еврейского же) «Тайная тайных». «Тайная тайных» («Secretum Secretorum») или «Аристотелевы врата» (как именует их Стоглавый собор), хотя и были известны в Западной Европе в течение всего средневековья, но особенное распространение получили в XV в. — в эпоху раннего гуманизма, характеру которого они отвечали по своему содержанию. Авторство их было приписано Аристотелю, который будто бы написал это поучительное сочинение для своего ученика — Александра Македонского, находившегося в Персии. После смерти Александра книга эта якобы досталась египетскому царю Птолемею, а затем будто бы, спустя много времени, была переведена египтянином Патрикием с греческого на арабский язык. Такова легендарная история этой книги. На самом деле Аристотелевы врата представляют собою арабскую компиляцию, перевод которой на латинский язык был сделан не позднее XIII в. Несмотря на запрещения (например, Стоглавым собором 1551 г.), Аристотелевы врата были чрезвычайно популярны у русских читателей вплоть до XVIII в. Списки Аристотелевых врат имелись в библиотеке царя Михаила Федоровича, были они и в числе книг царевича Алексея Алексеевича.

Можно предполагать, что Аристотелевы врата были занесены на Русь в XV в. тою же ересью «жидовствующих». С остальной литературой «жидовствующих» их объединяет не только западнорусское (литовское) происхождение (обилие полонизмов и белоруссизмов), но и то, что перевод их сделан также с еврейского языка.

Аристотелевы врата отвечали возникшему в XIV в. стремлению гуманистов к точному знанию, к вычислениям, к медицине и к изучению зависимости человеческого поведения от телесных свойств. Так, например,

первая часть Аристотелевых врат — «Врата первая» — представляет собою трактат о взаимозависимости психических и телесных свойств человека и разделяется на следующие части: о белости, о власех, о бровех, о ноздрех, о челе, о устех, о лице и др. Вот, например, статья «о власех»: «Власы грубые указание на крепость мозгову и сердечную, и влас мяккий указывает мягко сердце и студень мозгову, и малоумие. И множество влас на плечех и на шии указывает на скотство и глупостен, а так же мнози власи на сердцы и на чреве указывает приращение скотское и мало-злобие до правды», и т. д.

Внешняя форма, в которую были облечены Аристотелевы врата, — наставления Аристотеля своему ученику Александру Македонскому, как управлять вселенной, — своеобразный Домострой для царя, — позволила автору трактовать вопросы управления государством с непривычною для русского читателя смелостью. Особенно подробно Аристотелевы врата останавливались на обязанностях царя перед своими подданными; царская власть рассматривалась как явление служебного для народа характера. Некоторые из заветов Аристотелевых врат могли казаться особенно заманчивыми в русской обстановке XV в. Аристотель обращался к Александру с наставлениями не изменять своему слову и присяге, заботиться о благосостоянии подданных, повышать тех, которые «любят правду», не проливать зря крови и т. д. Из добродетелей, которые следует иметь управителю государством, Аристотель особенно рекомендует щедрость и милосердие.

Александру советуется во всем слушаться бояр: «Александр ведай, иже бояре крепость земная и честь царская и дети их приращенейшии ко службе твоей. Ими же сам исполнишь думу твою и надежен еси, коли выедешь из земли своея, и они мура (стена) крепкая народу твоему». Защита бояр — обычна в Аристотелевых вратах. Она объясняет нам, почему книга эта была популярна в рядах боярской оппозиции (именно из нее позднее А. Курбский черпал аргументы о значении боярства), и отчасти бросает свет на социальную природу движения «жидовствующих», получившего сильное распространение во дворце самого великого князя Ивана III.

Геннадий упоминает еще об одной рукописи «жидовствующих» — Логике. От половины XVI в. сохранился список западнорусской рукописи Логики еврейского ученого XII в. Моисея Маймонида (или Моисея Египтянина, как он называется в рукописи) с продолжением из Логики Авнасафа — другого еврейского ученого. Есть основания предполагать, что Логика, упоминаемая Геннадием, и Логика Маймонида и Авнасафа — тождественны. Русский перевод Логики сделан непосредственно с еврейского. Переводчик, не всегда справлявшийся с трудностями перевода, создал много новых терминов, до того отсутствовавших в русском языке: *одержанный* — объект, *одержатель* — субъект, *осуд* — суждение, *роженная* — умозаключение и мн. др. Читая этот перевод, приходится удивляться, какие героические усилия употреблял русский читатель этой книги, чтобы расширить свой умственный кругозор и ввести в сферу своей образованности светские науки.

В послании к Прохору Геннадий говорит о тетради, по которой молились «жидовствующие»: «ты тамо узришь..., как превращены псалмы на их обычай». В другом месте, в послании к Иоасафу, Геннадий говорит еще яснее: «жидова еретическое предание держат, Псалмы Давидовы или пророчества испревращали по тому, как им еретики предали, Акила, Симмах и Феодоттион». Однако перевод этих псалмов не найден.

По сходству с перечисленными памятниками к литературе «жидовствующих» причисляется еще Космография, найденная в западнорусском сборнике XVI в. (в так называемом Холмском, в котором находился и Шестокрыл), затем книги гадательные: Громник, Лопаточник (для гадания по лопаткам животных) и несколько статей астрологического характера.

Итак мы должны представить себе движение «жидовствующих» как умственное направление, лишенное стройности и единой концепции. Это было движение гуманистического характера, захватившее, по преимуществу, лишь образованные круги Новгорода и Москвы. Движение не затронуло низов населения, оставаясь, в сущности, так же, как и течение гуманистов на Западе, чисто «интеллигентским», доступным для немногих. Социальное значение движения не велико и противоречиво: в Новгороде «жидовствующие» противодействовали Геннадию, т. е. московской церкви, и были, очевидно, связаны с литовской партией, а в Москве — литература «жидовствующих» служила делу боярской партии. Вместе с тем движение «жидовствующих» имело серьезное прогрессивное значение, будя мысль, вводя в круг образованности новые книги, создав в конце XV — начале XVI в. большое умственное возбуждение, хотя и являвшееся провинциальным отголоском провинциального литовского гуманизма.

Закончилась ересь трагически. Иван III, пользовавшийся вначале «жидовствующими» так же, как впоследствии «заволжскими старцами», — для устрашения и некоторого нажима на церковь, достигшую в XV в. чрезвычайной влиятельности, в конце концов переменил свою политику. На соборе 1490 г. «жидовствующие» были преданы проклятию. В 1504 г. собор снова осудил «жидовствующих», и некоторые из них, по примеру испанских расправ с еретиками XV в., были казнены.

Ближайшим последствием ереси для Новгорода было возобновление литературной деятельности владычного двора. Геннадий не только сам был опытным литератором и полемистом, но и умел создавать вокруг себя книжное окружение. По заказу Геннадия в 1489 г. грек Дмитрий Траханиот составляет справки «О летах седьмой тысячи» в опровержение мнений о конце мира в 7000 (1492) г. В 1490 г. в Новгороде были записаны «Речи посла цесарева» (Георга фон-Турна), рассказывавшего об испанской инквизиции и о способах борьбы с еретиками. Специальные богословские заказы делаются проживавшему в Новгороде доминиканцу Вениамину. Ряд поручений (переводы сочинений Николая де Лиры и др.) выполняет для Геннадия один из самых образованных русских людей XV в. — Дмитрий Герасимов. Заказы даются в Рим Дмитрию и Мануилу Ралеви. От эпохи Геннадия дошло пособие для изучения латинского языка (латинский текст Псалтыри славянскими буквами с междустрочными пропусками для заполнения переводом). Геннадий проектирует школы.

Наконец, самым большим из литературных предприятий Геннадия следует признать составление грандиозного, первого на славянском языке свода библейских книг — так называемой Геннадиевской Библии 1499 г. Геннадий собрал тексты библейских книг по русским библиотекам, из которых важнейшей была чрезвычайно богатая библиотека Софий в Новгороде. Кроме того, Геннадий пополнил свой текст переводами из латинской Библии Иеронима (IV в.) (Vulgata) и из немецкой Библии XV в., откуда были переведены предисловие и часть объяснительных статей к библейским книгам. Геннадиевский текст лег в основу первой печатной Библии XVI в. на славянском языке, так называемой Острожской. По выражению исследователя Геннадиевской Библии, И. Евсева, «Геннадиев-

ский свод славянской Библии 1499 года был средоточием и высшим завершением всей библейской деятельности на славянской почве — у южных славян и у русских».¹

Итак, умственное возбуждение, созданное движением «жидовствующих», передалось в Новгороде и официальной церкви.

3. Литература первой половины XVI в.

Во второй четверти XVI в. в Новгороде наблюдается кратковременное возрождение организованной коллективной работы над летописью. В 1533 г. при ближайшем участии архиепископа Макария была составлена новая редакция Пахсмиева Хронографа. Особенно много в Хронографе Макария вставлено новгородских известий. Хронограф Макария включил в свой состав замечательную своими литературными достоинствами Повесть о взятии Царьграда Нестора Искандера. Сразу по завершении работы над Макариевским Хронографом в 1534 г. последний был использован в московском летописании.

В 1539 г. в Новгороде был составлен еще новый летописный свод, включивший в свой состав Софийскую I, дополненную на основании Хронографа до 1491 г., и какую-то новгородскую летопись с обильными московскими вставками.

Среди летописных известий начала XVI в. особенный интерес имеет рассказ о попытке «некоего хитреца от Псковские страны поставить на Волхове мельницу». Триста рек «великих и малых» впадают в Ильмень, «а то озеро токмо единым темь Волховом сквозе весь Великий Новгород и входит во озеро Ладожское, он же [пскович] хотя на той реце таковую вещь зделати!» — восклицает летописец и затем рассказывает, как весной разливом вод и внесенным в Волхов льдом разнесло плотину, а сам строитель принужден был бежать от недовольных новгородцев «страха ради».

Возрожденная при Макарии летописная деятельность владычного двора тесно связана с другим литературным предприятием, выполнявшимся собранным Макарием кружком книжников, — «Великими Четьями-Минеями». Задача, которую ставил себе Макарий при составлении этих Миней, — грандиозна. Макарий объединил в них все жития русских святых. Это было идейным собиранием русской церкви, подобным тому политическому объединению Руси, которое незадолго до этого было осуществлено московскими великими князьями. Характеристика этого памятника выходит за пределы новгородской литературы.

При архиепископе Макарии в 1537 г. было придано окончательное московское оформление житию Михаила Клопского. Макарий был озабочен переработкой жития Михаила Клопского по целому ряду причин. По преданию Михаил был в каком-то свойстве с московскими князьями. «Чудеса» первых двух редакций говорили о вражде Михаила с новгородскими посадниками и архиепископами. Михаил предсказывал поражение новгородцев москвичами, был противником приглашения литовского князя Михаила Олельковича и т. д. Все это делало его житие удобным объектом новой переработки всецело в московском духе. Москва получала себе, таким образом, «союзника» в лице одного из наиболее почитаемых новгородских святых. Возвеличение памяти Михаила Клопского было важным политическим шагом, отмеченным даже в летописи.

¹ Труды XV Археологического съезда в Новгороде, 1911 г., т. II, 1916, стр. 16.

Впервые в истории древнерусской книжности составление нового жития было поручено светскому лицу: московскому чинѣвнику, сыну боярскому и «храброму воину», Василию Тучкову. Отец Тучкова был военачальником: «пять лет родителем моим обладаем бе Великий Новѣград». Сам о себе Тучков пишет, что он приезжал первоначально в Новгород на «собрание воинского чина». Вторично приехал Тучков в Новгород, чтобы «собрати воинство в супротивление безбожных Агарян» [турок]. В этот второй приезд Тучкова в Новгород между ратным делом и было составлено им житие Михаила Клопского. Тучков применил к житию Михаила всевозможные литературные ухищрения, густо насытил его всяческой эрудицией и риторикой, применил обычные югославянские шаблоны и цветистость стиля.

Житие начато Тучковым от сотворения мира и Адама, историей христианского просвещения вообще и в новгородской стороне в особенности. Подробно останавливается Тучков на посещении Руси апостолом Андреем. Андрей благословил Киевские горы, предрек «возсиязачие» этому месту, водрузил здесь крест, а затем в молчании проследовал мимо Новгорода и в Грузине за шестьдесят поприщ от Новгорода водрузил свой жезл. Описав жезл и чудеса, исходящие от него, Тучков мимоходом упоминает и о «едином архиерее» новгородском, который хотел «златом украсить жезл», но которому это не было позволено свыше. Таким образом, как бы мимоходом и с соблюдением необходимого в житии приличия брошена тень на старую новгородскую церковь.

Затем Тучков прославляет ныне существующий «великий и славный» Новгород, архиепископа Макария, поручившего ему написать житие Михаила, и переходит к описанию собственного колебания и нерешительности перед тем как приняться за житие Михаила: «Восприях же трость к начинанию повести и паки ю пометах, трепетна бо ми десница, яко скверна суши и недостойна к начертанию повести; и паки восприемлю трость и устремляюся к повести». Наконец, возложив всю надежду на бога, «могущего немудрѣя умудрити», и прославив святого Михаила, Тучков обращается к повествованию.

Тучков значительно усилил антиновгородские тенденции жития, ввел новый эпизод, в котором гибель Новгорода предсказывается Михаилом Клопским в самый день рождения Ивана III. В уста Михаилу вложены резкие осуждения и поношения новгородцев: «почто, безумнии, яко пияни мятетеса? Аще не утслите гнева доброчестивого царя Ивана Васильевича, то многи беды примите; пришед бо за неисправление ваше, станет в берегах и многу победу покажет» и т. д.

Вместо краткой и энергичной прямой речи первой и второй редакций Тучков всюду заставляет Михаила произносить пространные нравоучения. Так, например, вместо лаконичного ответа Дмитрию Шемяке, приехавшему в Клопский монастырь благословиться на поиски великого княжения, Михаил произносит длинные нравоучительные речи.

Всюду в житии введены благочестивые мотивировки действий святого. Резкость и грубость характера святого сглажена: поведение Михаила отличается кротостью и смирением. Значительно усилены в житии чудеса. Так, например, если в первой и во второй редакции святой лишь указывает место для колодца и «предсказывает», что при рытье его обнаружится вода, то в редакции Тучкова — «внезапу потрясеса место, и изыде вода выпрь яко трубою». В чуде о разбойниках последних уже «тридесят мужей» и являются они с обнаженным оружием в руках. Тучков изъясил из жития Михаила все, что так или иначе связано с бытом и кон-

кретной исторической обстановкой. Даже посадник заменен в житии «мужем неким» и «вельможей».

Переделка жития, сделанная Тучковым, не заключалась только в подгонке его стиля под югославянские шаблоны. Помимо стилистических особенностей жития оно отличается еще и манерой изложения материала, постоянной мотивировкой поступков святого, абстрагированием событий и подведением образа святого под обычные трафареты экзальтированной аскезы. Тучков стремится блеснуть образованностью, упоминает Омира (Гомера), Овидия, Еркула (Геркулеса), Ахилла — «Тройского царя Приама сыновей», философию, «софистику» и т. д. Он знает Троянскую историю Гвидо де Колумна. Витийственное «плетение словес» и житийные шаблоны сменяют собою грубоватое, но жизненное изображение действительности в первоначальных редакциях жития Михаила Клопского.

★

После лишения Новгорода его самостоятельности в XVI в. новгородцев продолжал тревожить страх за судьбу своего города. Покаянные и эсхатологические настроения остаются в литературе и после того, как ожидания конца мира в 1492 г. не сбылись. Но вместе с тем легенды о конце Новгорода в XVI в. приобретают иной характер, чем в исходе XV в. Тревога за город сменяется тревогой за его жителей. Политическая острота темы снижается, и литература обращается к бытовым вопросам, как это было в XII в.

В 1508 г. грозные стихийные бедствия опустошили Новгород значительно сильнее, чем походы Ивана III. Три осени сряду умирали в Новгороде люди «железою». В осень 1508 г. умерло «15 000 душ и 400 без четырех голов». В том же году выгорела вся Торговая сторона; осталась лишь малая часть городской стены. От жары расседались известняковые плиты, из которых строились новгородские церкви; пожар раздувался великим ветром, вихрь вносил на Волхове суда в огонь и топил их. Люди пытались спастись в больших садах, но огонь настигал их и там. После пожара нашли 2314 трупов (по другой версии 5314), а число сгоревших в пепел один «бог весть». «Николи же в Новгороде таково пожара не бысть». События 1508 г. послужили поводом для составления повести, задним числом предсказывавшей Новгороду «наказание за грехи». Повесть эта помещена в Пахомиевом житии Варлаама Хутынского (написанном Пахомием Сербом в его третий приезд в Новгород) и в Новгородской III летописи под 1508 г.

Пономарь Тарасий был однажды ночью в церкви Преображения Хутынского монастыря. Внезапно Тарасий увидел, как зажглись свечи, возгорелись кадилаицы, и церковь наполнилась благоуханием фимиама и ливана. «И зрит понамарь зрящима очима, не во сне, но на яве» — вышел из гроба чудотворец Варлаам и начал молиться «со слезами и с великим умилением». Варлаам молился 3 часа, а затем послал Тарасия на кровлю собора: «брате Тарасие! Хочет господь бог погубити Великий Новъград; взыди, понамарию Тарасие, на самый верх церковный, и узриши пагубу над Новымъградом велику, что хочет господь бог сотворити». С кровли собора Тарасий увидел, что Ильмень-озеро воздвигнулось над Новгородом и готово его потопить. Когда Тарасий в ужасе спустился вниз, Варлаам объяснил ему: «Господь бог хочет езером Илмером потопити Великий Новъград, за умножение грехов людских всенародного мно-

жества и за беззаконие и неправды их». Снова Варлаам молился 3 часа богу и снова послал Тарасия наверх. Во второй раз Тарасий увидел множество ангелов, стреляющих огненными стрелами в народ — на мужи и на жены и на дети. Перед каждым человеком стоял ангел хранитель, держа книгу и читая в ней божие повеление; тех, кого находил он в этих книгах помеченных живыми, мазал миром кистию из сосуда, а тех, кому написано было умереть, оставлял без помазания, «уныл отхождаше от человека, боясь преслушати владыки своего повеления». В третий раз взошел Тарасий на церковный верх и увидел над городом огненную тучу. Варлаам объяснил Тарасию, что он умолил богоматерь от первого наказания — потопа, но Новгород поразят мор и пожар.

Отдельные мотивы «чуда» находят себе многочисленные параллели в легендарной литературе. Таковы, например, самовозжигающиеся свечи, ангелы, наблюдающие повеление бога в книгах (у входа в Волотовскую церковь XIV в. изображены ангелы с зеркалами гаданий, в которых они читают повеленное от бога), и др. Некоторые из этих мотивов восходят даже к античности (например, указанное академиком А. С. Орловым в Илиаде в сцене мести Аполлона за Хризеиду представление о божестве, наводящем на людей стрелами мор).

Несмотря на обилие «общих мест» и мистическую окраску, повесть включает, однако, несколько конкретных моментов, делающих ее типично новгородским произведением. В повести о видении пономаря Тарасия прежде всего поражают своею яркостью и выразительностью зрительные образы: озеро, «воздвигшееся на высоту, хотя потопити Великий Новград», огненная туча над городом и т. д. Эти зрительные образы получили многочисленные отклики в новгородской живописи XVI—XVII вв. Обилие зрительных элементов составляет характерную черту новгородских повестей и легенд; не случайно большинство из них связано с иконами, фресками и архитектурными сооружениями. Зрительно конкретны отдельные элементы повести о Щиле, чуда Знамения, видения пономаря Аарона и т. д.

Конкретность и зрительность отдельных мотивов повести о видении пономаря Тарасия позволяют уточнить ее датировку. Хутынский монастырь был построен в 10 км от Новгорода на небольшом холме, резко контрастирующем с окружающей Новгородской плоской равниной. В 1515 г. по повелению московского князя Василия Ивановича в Хутыне на холме был поставлен новый Преображенский собор, самый высокий по своим размерам из новгородских церквей. Это был один из немногих поздних новгородских храмов, имевших внутренний ход на кровлю, с которой открывался единственный и неповторимый вид на Новгород: город растянулся на юг от собора, был виден во всех своих деталях, а за городом, как бы нависая над ним, на самом горизонте стояло казавшееся выпуклым Ильмень-озеро. Открывавшаяся с крыши Хутынского собора непривычная для жителя равнины панорама могла быть поводом к созданию легенды. Упоминание в повести «первого строения церкви каменного Спаса» окончательно подтверждает, что повесть была составлена вскоре же после постройки нового Преображенского собора в Хутыне, т. е. после 1515 г.

Притязания новгородской церкви на особое место среди православных епархий решительнее всего звучат в повести о новгородском белом клобуке. Повесть эта известна в двух редакциях — краткой (первоначаль-

ной) и пространной. Первоначальная редакция повести (неизданная) восходит к половине XVI в. Обе редакции рассказывают о том, как новгородский архиепископ Василий Калика получил от константинопольского патриарха символ особой благодати — белый клобук.

Белый клобук был подарен папе Сильвестру римским императором Константином Великим. Константин сделал этот клобук римскому папе по повелению явившихся ему во сне апостолов Петра и Павла, как символ духовной власти, равный царскому венцу. С отпадением Рима от православия было повелено папе свыше отправить белый клобук в Константинополь. Однако ангел явился константинопольскому патриарху и велел переслать клобук в Русскую землю, в Великий Новгород: «тамо бо ныне воистину славима есть Христова вера». «Ветхий бо Рим отпаде славы и от веры Христовы гордостью и своею волею, — пояснил ангел, — в новом же Риме, еже есть в Коньстянтинеграде, насилем агарянским такоже христианская вера погибнет; на третьем же Риме, еже есть на русской земли, благодать святаго духа возсия». Патриарх отправляет в Новгород белый клобук вместе с посланием новгородскому архиепископу. Предупрежденный во сне ангелом о прибытии клобука, Василий торжественно встречает его колокольным звоном, провожает в Софию и здесь при огромном стечении народа читает послание патриарха, рассказывает в церкви историю белого клобука и возлагает его себе на голову.

Повести предпослано небольшое предисловие в форме письма Дмитрия Толмача новгородскому архиепископу Геннадию. Дмитрий пишет, как он разыскал в Риме, по приказанию Геннадия, повесть о белом клобуке, которую римляне «срама ради таят велми», как он сумел склонить к себе книгохранителя римской церкви Якова и «со многим молением» убедил дать ее ему.

Дмитрий Герасимов Толмач, от лица которого ведется предисловие повести о белом клобуке, — яркая личность. Он получил образование в Ливонии под руководством Мисюря-Мунехина, был переводчиком посольского двора, посланником при дворах шведском, датском, прусском, венском и римском. Дмитрий неоднократно выполнял различные книжные поручения архиепископа Геннадия. Он был самым подходящим лицом для наведения справок о белом клобуке.

Принадлежность повести Герасимову возбуждает тем не менее сомнение, хотя не исключена возможность, что Герасимов и имел к ней какое-то отношение, действительно выполняя поручения Геннадия в вопросе о белом клобуке. Предисловие явно противоречит содержанию повести, которая трактует не только о римской, но и константинопольской и новгородской истории клобука, и поэтому никак не могла быть составлена в Риме. Надо было бы допустить, что Герасимов совершил явную фальсификацию, которую, однако, нет никаких оснований подозревать, судя по его другим обстоятельным и всегда добросовестным работам. Наконец, сама повесть обнаруживает несколько наслоений и, видимо, создавалась далеко не сразу.

Основная часть повести, рассказывающая об императоре Константине и создании клобука, включает в себе явно католические тенденции и, видимо, была составлена в пору наибольших католических влияний в Новгороде — при архиепископе Геннадии, в конце XV в. В повести Константин принимает крещение в Риме от папы Сильвестра и дает ему белый клобук, равный по значению царскому венцу. Константин делает папу честнейшим и высшим из людей, всюду уступая ему первое место, служа и воздавая царские почести. Отправляясь в Византию, Константин

делает папу владыкой Рима, говоря, что там, где глава христианства, — недостойно быть царю. Возможно, что сказание в этой части действительно было занесено из Рима.

Помимо Дмитрия, это могли сделать многочисленные католические миссионеры, пребывание которых в Новгороде и в Пскове засвидетельствовано исторически. Во времена Геннадия в Псков приходили «серые чернецы от немец», а в Новгороде жило в 1493 г. «много латинян», в их числе — доминиканец Вениамин, ближайший помощник Геннадия в составлении Библии. Они-то и могли внушить новгородским церковникам мысль о том, что, не будь папы, не было бы и белого клобука новгородских архиепископов.

В Новгородской летописи записано, что в 1346 г. новгородский владыка Василий получил крещатые ризы от московского митрополита Феогноста. Возможно, чтобы опровергнуть это мнение, и была составлена первоначальная, не дошедшая «католическая» редакция повести о белом клобуке.

Характерно, что эта часть повести о белом клобуке имеет ближайшую аналогию в «Donatio Constantini», одном из тех апокрифических документов, на которых основывались светские притязания пап. В «Donatio Constantini» упоминалось о белом клобуке папы Сильвестра как о знаке папских привилегий, дарованных императором Константином.

Однако эта, в основе своей латинская, не дошедшая до нас редакция повести была затем переделана и дополнена на православный лад: белый клобук все-таки переходит в Новгород не из Рима, а из Византии. Бог снимает клобук с нечестивого Рима и переносит его в Константинополь, но и во втором Риме православие вскоре «помрачилось», и белый клобук переходит туда, где единственно «сияет истинная вера» — в Новгород, который таким образом, становится преемником древнего благочестия Рима и Византии. Новгород — новый центр вселенной. Выше всех церквей — церковь русская, а в ней особенное значение имеет новгородская архиепископия.

В этой концепции повести ясно чувствуется влияние теории о Москве — третьем Риме.

Можно предполагать, что эта переработка Повести о белом новгородском клобуке была составлена не ранее второй четверти XVI в. одновременно с предисловием, в котором рассказывалось о поездке Дмитрия Герасимова в Рим, где он действительно был уже после отъезда из Новгорода Геннадия, в 1525 г. Следовательно, и литературная обработка повести, снабдившая ее упомянутым предисловием, не могла быть сделана ранее 1525 г., вернее — спустя несколько лет, когда уже не помнили точно года оставления Геннадием новгородской кафедры. Эта переработка второй четверти XVI в., повидимому, и легла в основу первой краткой редакции повести.

Различные наслоения повести обусловили крайнюю растянутость ее и композиционное однообразие, особенно сказывающееся во второй, сравнительно поздней (XVII в.) редакции. Переход клобука из одного места в другое совершается однотипно: ангел является во сне владельцу и приказывает отослать его в новую страну, затем ангел снова во сне же является к будущему владельцу клобука и предупреждает его о переходе «благодати». В повести ангел (а в некоторых случаях Константин, Петр и Павел) является во сне свыше шести раз. Не проявил автор повести особой изобретательности и в описании торжественной встречи белого клобука в Новгороде.

Однообразными чудесами автор внушает читателю мысль о чрезвычайной значительности и святости белого клобука. Сама идея повести — изобразить переход «благодати» в Новгород вместе с белым клобуком папы Сильвестра — не представляет собою чего-либо исключительного в средневековой литературе. Переход мирового значения от одного царства к другому постоянно изображался в средневековой литературе как переход священных предметов и символических знаков власти (короны, венца, скипетра).

Сюжет этот отражен также в новгородском сказании XVI в. об иконе Тихвинской богоматери. Икона богоматери, рассказывает сказание, была чудесно перенесена по воздуху из захваченной турками Византии в Новгородскую область. Она появлялась в различных новгородских местностях, как бы освящая их своим присутствием, пока не остановилась окончательно на берегу реки Тихвинки, где были основаны первоначально церковь ей, а затем монастырь.